

Это проза, над которой я работал всю свою жизнь, которая должна быть лёгкой, простой и лаконичной и в то же время передавать все изменения видимого мира и сферы человеческого духа. Это самая лучшая проза, на которую я сейчас способен.

Э. Хемингуэй, «Старик и море»

Сперва я попробую окунуть вас в недалекое прошлое, во времена, когда повесть увидела свет, чтобы затем мы смогли погрузиться в глубины авторского подсознания. Нам предстоит долгий путь, наберитесь терпения, я буду вашим капитаном, доверьтесь мне. Если вы куда-то спешите, или не готовы сосредоточить своё внимание на ком-то другом более чем на несколько минут, или привыкли сразу удовлетворять мимолётное любопытство в результате скорого ответа, кратко и по существу; словом, если вас всегда и во всем больше интересует результат, а не процесс его получения, то даю совет, пропускайте моё эссе, не смею вас задерживать! Оставшихся прошу: мысленно перенестись в Америку, в середину прошлого века, далеко от меня не уходить, держаться вместе! В этом капиталистическом раю адская путаница и беспредел!

В сентябре 1952 года повесть «Старик и море» целиком выходит в одном из номеров журнала «Лайф». Читатели только о ней и говорят. Повесть произвела фурор. Такого Хема ещё не читали. Но – хуже того – ничего подобного от него уже и не ждали. Его последняя книга была обругана критиками, и при этом не была защищена вниманием читателей. А тут вдруг такой резкий и повсеместный восторг в связи с публикацией не такой уж большой вещи в журнале «Лайф»! Счастливые обладатели этого журнального номера пересказывают сюжет повести тем, кто не успел его купить. Но в пересказе повесть совсем не производит того ошеломительного эффекта, который испытали те, кто читал и перечитывал эту вещь в журнале. Такое легко и, вместе с тем, невозможно пересказать. Это нужно читать! Поэтому, видя такой спрос, уже через восемь дней повесть печатают отдельной книгой. Все пятьдесят тысяч экземпляров, несмотря на высокую для такой тоненькой книжки цену, раскупают так быстро, что самые крупные издательства наперебой атакуют автора заманчивыми предложениями переиздать его «Старика». Вскоре эта повесть приносит Хемингуэю Пулитцеровскую премию и, по сути, становится поводом для присуждения Нобелевской. Кто бы мог подумать, что сия незамысловатая, на первый взгляд, история о том, как старый рыбак поймал огромную рыбу, но не смог довести свой улов до дому в целостности и сохранности, вновь сделает Хемингуэя лучшим писателем Америки, подтвердит его глобальное значение для мировой литературы, станет последним пиком его карьеры!

А ведь ещё совсем недавно Хемингуэя почти не рассматривали всерьёз как действующего писателя. Казалось, его время прошло. Поговаривали о потере творческой потенции: да, он был великим писателем, но акцент падал в основном на слово «был». И критики, и литературоведы, и читательская публика охладели к его дару. В последнее время этот дар никому, кроме его верных поклонников, был и даром не нужен, во всяком случае, акции его дара стремительно падали в цене. Оно и понятно: в конце 1940-х – начале 1950-х

Хемингуэй переживает глубокий творческий спад. Всеми виной его тяжелое физическое и психическое состояние после пережитого на фронте плюс болезненный и нелегкий разрыв с Мартой Геллхорн... Он чувствует приближение старости. Учащаются приступы депрессии. Жизнь с каждым прожитым годом становится всё менее понятной. Всё это – многочисленные травмы, полученные им после переломов и ранений; одиночество, разочарование, утрата былого величия и неверие в собственные силы, – существенно сказывается на состоянии здоровья писателя и приводит к ослаблению его творческого потенциала.

В это сейчас слабо верится. Ныне кажется, что Хемингуэй никогда и ни в чём не знал поражения. Его книги, его высказывания, его манера жить и работать – легко переходя границы человеческих возможностей, рискуя, не зная сомнений – всегда давали ему повод гордиться собой и быть блистательным примером для подражания. Все, кто хотя бы немного был знаком с его биографией, восхищались его личностью, его мужеством, и даже порой его безрассудством. Судите сами! Почти всю свою жизнь он постоянно испытывает себя на прочность. Он словно нарочно дразнит Фортуны, и не боится играть со Смертью, ставя на кон всегда и неизменно собственную жизнь, словно ни чуточку ею не дорожит. Тут и участие в трёх войнах, и состязания на ринге с профессиональными боксёрами, и охота на львов в Африке, многочисленные попойки и уличные драки, дружба и сотрудничество с революционерами и контрабандистами, походы на маленьком катере «Пилар» в штормовом океане, игра в «русскую рулетку», болезни, авто- и авиакатастрофы... На его теле было более двухсот шрамов! А главное, он восемь раз был на самом краю гибели, но всякий раз после того, как практически чудом выкарабкался из цепких лап смерти, он не только не менял своего образа жизни, но, напротив, начинал ещё наглее играть со своей судьбой. Да, он был, как сказали бы сейчас, крутой мужик, но боюсь, один из его биографов абсолютно прав, утверждая, что он не бежал от смерти, а все время – долгое время неосознанно – искал её. Впрочем, нам он признался в этом сам. И мы и безо всяких биографов пришли бы к такому выводу, если бы поверили в искренность его собственных слов, характеризующих писателя коротко и точно: «Пишет мало, а пьёт много, но если бы не пил, давно пустил бы себе пулю в лоб». А ведь их многие принимали за шутливый эпатаж и некую позу... Но это то, что касается его натуры. А меня сейчас мало занимает Хемингуэй-человек, с ним мне всё более-менее ясно. Меня интересует Хемингуэй-литератор. Причем особенно занимает меня писатель последнего периода – он весьма отличается от раннего Хемингуэя, и есть существенные отличия от того Хема, который находился в самом зените сил и творчества...

Понятно, что проза Хемингуэя – это всегда по-настоящему мужская литература! Сверх того – хорошая, добротная, настоящая Литература. Язык его прозы прост, ясен, лаконичен... Не только сам текст увлекателен и способен унести читателя к высотам катарсиса, но и тот глубокий подтекст, который в нем всегда явно чувствуется. Чаще всего в центре произведений или охота, или война, или борьба с противником, или, в крайнем случае (случае классическом!) борьба с самим собой. Как чемпион по борьбе с самим собой, ответственно заявляю: это самый тяжёлый вид борьбы и весьма обидный, поскольку выигрывая, ты терпишь поражение, но проиграв, – выигрываешь. Вроде бы, чудной парадокс, а, между тем, всё предельно просто и ясно (кстати, типичный случай для Хемингуэя!).

Его герой всегда готов с гордостью и непоколебимой верой в справедливость своих поступков достигнуть цели любой ценой, пройдя все испытания (идёт ли он на подвиг или на преступление). Настоящий мужик, одним словом! Он готов принести в жертву жизнь – как свою, так и чужую – лишь бы знать, что он прав и жертва будет принесена не зря. Сначала кажется: почти все книги его такие. А «Старик и море» – это вообще ликбез для настоящих мужчин, не зависимо от положения, возраста, времени и места действия... Эта книга может служить пособием для проведения мастер-классов по самосовершенствованию! Я не шучу! При этом перед нами высокохудожественный шедевр мировой литературы. Хотя постойте! То, о чём Хемингуэй поведал в повести, когда-то, почти двадцать лет назад, он смог уместить всего лишь на нескольких страницах своего очерка в журнале «Эсквайр»! Но в том-

то и прелесть, что язык его не изменился, манера писать осталась такой же сдержанной и сухой, как и в романе «Иметь или не иметь», он столь же лаконичен, как и прежде... Но! Именно в этом произведении впервые Хемингуэй предельно внимателен к мелочам или к вещам, которые, на первый взгляд, не имеют прямого отношения к главной, а можно сказать и единственной сюжетной линии... Да, обычно он пишет кратко, емко... А тут – целая книга, большое по объёму произведение, но которое, как ни крути, и по композиции, да и по сути, – всего лишь рассказ: всего пара героев (а по гамбургскому счёту герой один – Старик) и происходит пара событий в течение весьма непродолжительного времени – не более трёх суток в целом. Всю историю можно пересказать за полминуты. Но в данном случае автор посчитал нужным поведать все обстоятельно, подробно, нисколько при этом не меняя собственную стилистику и манеру письма и легко удерживая наше внимание. Он мог написать в пять раз короче, но не пожелал. Почему? Потому что за те сутки, пока Старик был в море, благодаря его монологам, перед нами вырисовывается вся жизнь, казалось бы, простого и вместе с тем незаурядного человека. Только такой человек, просоленный жизнью, мог восемьдесят четыре дня выходить в море, возвращаться ни с чем, но всё равно продолжать выходить, пока ему не попадет такая громадная рыба, которую доселе никто не видел! Нет, может, и видели, но поймать её и справиться с ней одному человеку не под силу... Старик не раз вспоминает мальчишку, который хоть в мелочах, но мог бы ему помочь, хотя всякий раз признает, что и вдвоём бы они с этой рыбиной не справились... Рыба, с которой так долго боролся старик Сантьяго, – прямо мечта всех истинных любителей рыбалки и невероятный трофей для профессиональных рыболовов: гигантский марлин, рыба-меч из отряда парусниковых. Хемингуэй ловил таких, но с ним всегда был его верный помощник Григорио Фуентес, человек, которого он сделал капитаном своей яхты и послуживший одним из прототипов Сантьяго. Они познакомились в конце двадцатых: легкая моторная лодка Хемингуэя попала в шторм, как назло – отказал двигатель. Оказавшийся поблизости на своём катере Григорио, пришёл на помощь. Фуентес довёз Хемингуэя до берега, помог согреться, они разговорились, выпили, само собой... Так завязалась их многолетняя дружба. Лишь только Хем приобрел яхту – он, не раздумывая, взял Григорио капитаном, платил 250 долларов в месяц. Такие деньги тогда мало кому платили. Но зато в лице Фуентеса он приобрёл надежного помощника, друга, фанатично любившего и хозяина, и его яхту до такой степени, что со временем окончательно переехал туда жить и проводил на яхте все 365 дней в году, заботясь о ней, как о родной дочери, которой у него никогда не было... Григорио после смерти папы Хема рассказывал, что они частенько выходили в море, невзирая на штормовое предупреждение, не раз оказывались в тяжёлой, критической ситуации. «Хозяин любил играть с огнём», – признавался он в многочисленных интервью. Хотя в данном случае, правильнее было бы сказать «с водой». Впрочем, мы говорим об Эрнесте Хемингуэе! Он играл и с огнём, и с водой, и с огненной водой, и с теми, кто мог метать в него молнии и громыхать обвинениями, – с женщинами... Любил он и охоту, и рыбалку... Ловил и марлина, подобного описанному в повести. Но в отличие от Старика, он был моложе, сильнее и ему помогал Григорио, а от акул он обычно спасал свою добычу довольно своеобразно: пускал в них очередь из автомата. Этот необычный метод теперь называется методом Хема... Но за него сейчас можно получить серьёзный тюремный срок. Да и далеко не каждому позволено держать на яхте такое количество оружия. Так что сам Хем знал часы триумфа! Как фанатичный поклонник рыбной ловли, он мог легко дать столь реалистичное описание противостояния человека и марлина, и мог представить, каково было бы рыболову, окажись он в такой ситуации в одиночку.

Герой Хемингуэя сразу же понимает, лишь только узнает, какого рода противник попался ему на крючок, какая крупная удача его настигла. И крупная она до такой степени, что справиться с ней – с удачей в виде этой рыбы – в одиночку ему не удастся. Он и вдвоём с помощником вряд ли бы справился, но шансы – пусть мизерные, – были бы... Заметьте, это очень важно: он признает, что они бы не справились и вдвоём, а между тем продолжает упорно бороться со своим морским противником, которого он с каждым часом всё больше уважает, уважает настолько, что начинает говорить с ним. Это наводит на мысли о том, что

он очень одинок и не привык проигрывать, тем паче без боя. Старик, с каждым часом слабея, удивляется силе и упорству морского гиганта, и уважение скоро перерастает во что-то большее. И он не скрывает своих чувств: «Рыба, – позвал он тихонько, – я с тобой не расстанусь, пока не умру. Да и она со мной, верно, не расстанется», – подумал старик и стал дожидаться утра. В этот предрассветный час было холодно, и он прижался к доскам, чтобы хоть немножко согреться. «Если она терпит, значит, и я стерплю». Он словно почувствовал, что рыба и он – они родные души, оба сильные и упрямые, оба готовы сопротивляться до последнего, оба настроены решительно – победить или умереть. Он – старый опытный рыбак – по поведению рыбы догадался, что имеет дело с самцом. Причём с таким, который уже побывал в подобных переделках, или наблюдал подобную ситуацию, поскольку рыба-самец ведет себя странно, слишком умно, грамотно и без трусливой, нервной суеты, словно преследуя такую же точно цель, какую преследует мудрый Сантьяго, – измотать, утомить своего противника. Можно было бы предположить, что это именно тот самец, который видел гибель своей подруги. Старик не случайно вылавливает из океана своих воспоминай одно – случай, поразивший его некогда до глубины души: «Он вспомнил, как однажды поймал на крючок самку марлина. Самец всегда подпускает самку к пище первую, и, попавшись на крючок, самка со страха вступила в яростную, отчаянную борьбу, которая быстро её изнурила, а самец, ни на шаг не отставая от неё, плавал и кружил вместе с ней по поверхности моря. Он плыл так близко, что старик боялся, как бы он не перерезал лесу хвостом, острым, как серп, и почти такой же формы. Когда старик зацепил самку багром и стукнул её дубинкой, придерживая острую, как рапира, пасть с шершавыми краями, когда он бил её дубинкой по черепу до тех пор, пока цвет её не стал похож на цвет амальгамы, которой покрывают оборотную сторону зеркала, и когда потом он с помощью мальчика втаскивал её в лодку, самец оставался рядом. Потом, когда старик стал сматывать лесу и готовить гарпун, самец высоко подпрыгнул в воздух возле лодки, чтобы поглядеть, что стало с его подругой, а затем ушёл глубоко в воду, раскинув светло-сиреневые крылья грудных плавников, и широкие сиреневые полосы у него на спине были ясно видны. Старик не мог забыть, какой он был красивый. И он не покинул свою подругу до конца».

Сам Сантьяго не говорит о том, что такое возможно. Ведь этот марлин огромен, он вдвое больше его лодки, он признается, что ему ещё не доводилось видеть марлина таких размеров, а тем паче, ловить. Стало быть, тот самец был меньше, чем этот, утаскивающий его всё дальше и дальше в открытое море. Но ведь с того дня прошло как минимум три месяца (мы же помним, что восемьдесят пять дней прошло с последнего удачного улова), а то и год, или полтора... Ведь Старик не говорит, что это произошло именно в тот, последний день, перед чередой несчастливых дней. Но даже взяв самый малый срок, прошедший с того дня, когда была поймана самка марлина, получаем, повторю, три месяца, не меньше. Для рыбы-меч три месяца – это большой срок. За такое время она, хищница, спокойно могла бы набрать вес и стать вдвое больше, чем была. Если допустить сие предположение и поверить в такое случайное стечение обстоятельств, то притча приобретает совсем иной оттенок: идёт не просто борьба «кто – кого», идёт принципиальное противостояние двух заклятых врагов, и Старик выступает для Рыбы неким злым роком, убившим когда-то его подругу, лишившим его спутницы, нанеся душевную рану, а теперь добравшимся и до него. Это поначалу вас может рассмешить или расстроить, или разочаровать... Вот же, право слово, перемудрил этот наивный Курилко, да ещё и пишет о рыбе, словно о человеке. Да ведь не я, а герой наделяет холодную, бездушную рыбу и характером, и умом, и разумным поведением, и душой. Именно он наделяет её сугубо человеческими качествами и ощущает с ней родство душ с похожими стремлениями... Просто вспомните, как много он с ней говорит! И вспомните, что он ей говорит! «Рыба, – обращается он к ней, когда силы его почти на исходе, а та начинает свой последний бой за свободу и жизнь. – Рыба! Тебе всё равно уже не жить, так зачем ты желаешь погубить и меня?» Таковы, по его мнению, её истинные намерения: не спастись, а погубить и его вместе с собой. Старик с самого начала относился к ней по-особенному, словно они и вправду равны. «По виду она спокойна, – подумал он, – и действует обдуманно. Но что она задумала? И что собираюсь делать я? Мой план я должен тут же приспособить к

её плану, ведь она такая громадина. Если она выплывет, я смогу её убить. А если она так и останется в глубине? Тогда и я останусь с нею». Решение принято! Цель ясна! Однако и Рыба, по его разумению, знает себе цену. Но, несмотря на её внушительные размеры, Старик поначалу недооценивает её. Она же пока для него всего лишь рыба, обитатель морских глубин, а он человек, не привыкший и за восемьдесят четыре дня к неудачам и проигрышам. «Она громадина, эта рыба, и я не дам ей почувствовать свою силу, – думал он. – Нельзя, чтобы она поняла, что может сделать со мной, если пустится наутёк. На её месте я бы сейчас поставил всё на карту и шёл бы вперёд до тех пор, покуда что-нибудь не лопнет. Но рыбы, слава богу, не так умны, как люди, которые их убивают; хотя в них гораздо больше и ловкости и благородства». Он недооценил противника, это было его ошибкой, которую он, как поистине честный и мужественный человек, относительно скоро признал. После этого его отношение к противнику пересматривается, он теперь внимательно анализирует каждое движение марлина, каждый его поступок предусмотрительно предугадывается или прорабатывается впоследствии: «Интересно, почему она вдруг вынырнула, – размышлял старик. – Можно подумать, что она вынырнула только для того, чтобы показать мне, какая она громадная. Ну что ж, теперь я знаю. Жаль, что я не могу показать ей, что я за человек. Положим, она бы тогда увидела мою сведенную руку. Пусть она думает обо мне лучше, чем я на самом деле, и я тогда буду и в самом деле лучше. Хотел бы я быть рыбой, и чтобы у меня было всё, что есть у нее, а не только воля и сообразительность».

Теперь старик Сантьяго впадает в иную крайность: он недооценивает себя. Он обладает не только волей и сообразительностью, но также верой в победу, упрямством, силой не только стареющего (хотя и закаленного трудом) крепкого тела, но и духа... В нём есть гордость, гордость человеческая и профессиональная... и всепоглощающее желание победить! Любой ценой! Или погибнуть! И точно такие же качества Старик начинает видеть в Рыбе. Вот тогда-то обыкновенное восхищение размерами добычи сменяется сначала уважением, переходящим затем в любовь. «Рыба, – сказал он, – я тебя очень люблю и уважаю. Но я убью тебя прежде, чем настанет вечер».

Так разве это я перемудрил?! Я лишь внимательно читаю, ибо Хемингуэй, вернее, проза его, только на первый взгляд проста и чиста, как вода в северных озёрах. Но всё в этой повести глубже. Тут целое море идей и мыслей, и чем дальше – тем глубже. А море впадает в океан... Там всё иначе. Предельно честный за письменным столом, Хем, так долго толковавший о прозрачности, писавший в жанре жёсткого реализма, но усиленно работавшего над каждым словом, признавался: «Если писатель хорошо знает то, о чем он пишет, он может опустить многое из того, что знает, и, если он пишет правдиво, читатель почувствует всё опущенное так же сильно, как если бы писатель сказал об этом: «Величавость движения айсберга в том, что он только на одну восьмую возвышается над поверхностью воды». Кто помнит об этом хемингуэевском «принципе айсберга», тот будет по верхушке айсберга пытаться понять *что, где и каких размеров* скрыто от нашего взора. Особенно об этом нужно помнить при чтении его лучшей работы. Это не только моё мнение. Так, наверняка, полагал и он сам. Об этом догадывались лучшие из литературных мастеров. Скажем, не менее одарённый Фолкнер по достоинству оценил эту повесть: «Его лучшая вещь. Возможно, время покажет, что это самое лучшее из всего написанного нами – его и моими современниками. На этот раз они создавали сами себя, лепили себя из собственной глины; побеждали друг друга, терпели поражения друг друга, чтобы доказать себе, какие они стойкие. На этот раз писатель написал о жалости – о чём-то, что создало всех: старика, который должен был поймать рыбу, а потом потерять ее; рыбу, которая должна была стать его добычей, а потом пропасть; акул, которые должны были отобрать её у старика, – создало их всех, любило и жалело. Все правильно. И, слава Богу, то, что создало, что любит и жалеет Хемингуэя и меня, не велело ему говорить об этом дальше». Замечательные слова, но и они больше прячут в себе, чем показывают, не правда ли... Нет, первая часть ясна абсолютно. Очень многие так и трактовали повесть-притчу. Но об этом чуть ниже. А пока – о том, о чём сказал Фолкнер и о чём недосказал, а также о том, что отвергал лично автор повести «Старик и море».

Если советские и европейские критики видели лишь мужество, стойкость и величие человека в борьбе за существование, а также призыв против обособленности и индивидуализма ради удовлетворения эгоистических амбиций и сугубо личных, низменных потребностей. То американцам и некоторым отдельным индивидуумам скорее понравилась идея величия человека над природой и стремление достигать поставленных целей, превосходя собственные возможности. Фолкнер и ещё ряд интеллектуалов отметили также ноту смирения, тень любви и принятия того, что всё правильно и разумно устроено в мире, кажущемся жестоким, несправедливым и суетным.

Теперь о недосказанном. Хемингуэй и сам признавал, что изначально задумывал написать роман со множеством героев, сменой картин и действий. Но затем, уже в процессе работы, найдя, наконец, идеального героя, его устами рассказал нечто простое. Его герой делает своё дело добросовестно и не столько ради корысти или гордости, а по причинам более прозаичным: так должно, каждый обязан быть собой, без утомительных и рефлектирующих поисков себя. Ты тот, кто ты есть, будь им всегда, смирившись с любой участью, гордо носи крест своего предназначения – и тогда ты победишь, даже потерпев поражение. Такие выводы особенно удобны для церкви и государственной власти. Право слово, ведь всем будет только хорошо, когда большинство наконец осознает: ты родился, чтобы стать рыбаком, как рыба родилась, чтобы быть рыбой. Всё, что ни случается, всё правильно, всё справедливо. Делай хорошо своё дело, и не тревожь лишними мыслями ни себя, ни других... «Может быть, мне не нужно было становиться рыбаком. Но ведь для этого я родился!» Верно! Не сомневайся! Делай привычный труд без сомнений, без колебаний и живи с миром в гармонии. Ты такой, какой есть, ты ничего не в силах изменить, тем более, если ты один.

«Подумать только, что благодаря моему коварству ей пришлось изменить своей судьбе. Её судьба была оставаться в тёмной глубине океана. Моя судьба была отправиться за ней в одиночку и найти её там, куда не проникал ни один человек. Теперь мы связаны друг с другом. И некому помочь ни ей, ни мне». Но ты не один. С тобой всегда такие же, как ты. Просто не уходи один далеко в море, а не то одиночество и сомнения сломают тебя... Вот и старик испытывал нечто похожее: «Может быть, грешно было убивать рыбу. Думаю, что грешно, хоть я и убил её для того, чтобы накормить уйму людей. Нечего раздумывать, что грешно, что не грешно. Ты родился, чтобы стать рыбаком, как рыба родилась, чтобы быть рыбой». И всё! А над тобой и с тобой всегда мудрый Бог, или всеведущие боги, или родимая партия, или президент и парламент – главные слуги народа... Ты смирись, главное, – и станет так легко и спокойно, как никогда прежде... «А как легко становится, когда ты побеждён! – подумал он. – Я и не знал, что это так легко... Кто же тебя победил, старик? – спросил он себя... – Никто, – ответил он. – Просто я слишком далеко ушёл в море».

Когда в таком небольшом по объёму произведении такая плотная концентрация действий, чувств и мудрых мыслей, да ещё много чего таится между строк, то это всегда раздолье для интерпретаций: можно выбирать, на чём именно поставить акцент, что подчеркнуть, а что оставить в тени авторского замысла. Хемингуэй всегда этого боялся. Он не любил, когда в том, что он написал, кто-то находил то, чего там изначально не было, или, во всяком случае, им специально не подразумевалось, не закладывалось изначально. Впоследствии он яростно протестовал против того, чтобы его повесть считали полной тайных смыслов притчей, не понимая, что этот неожиданно ярко сверкнувший свет его дара был подобен большому взрыву, после которого он начал погружаться в кромешную тьму. Так иногда перегорает лампочка от перенапряжения, ярко вспыхнув перед тем, как погаснуть навсегда, поскольку вольфрамовая нить не может быть соединена вновь, разве что какой-то умелец рискнет разбить стеклянную оболочку в надежде всё чудом склеить, как было. В любом случае, Хемингуэй, как и герой его повести, превзошел самого себя. Каждый из читателей, увлеченно следя за тем, как разворачивается драматическая история старого рыбака, извлекает из прочитанных страниц нечто труднообъяснимое, но понятное и близкое только ему. Поэтому анализ повести не менее интересен, чем анализ стихов, к примеру, Пастернака.

Что бы сам автор ни говорил, но Сантьяго хоть и похож на предыдущих героев Хема, почти всегда имеющих автобиографическую платформу, всё-таки разительно отличается от них всех. Нет, он тоже весьма мужественен, целеустремлен, силен и телом, и духом; наблюдателен и великодушен, но он не мучается вопросами бытия, он этим бытием наслаждается. Он не сомневается и не ищет правильного пути или себя – и то, и другое он давно обрел и находится в относительной гармонии с миром и с собственной совестью. Его не особенно огорчают неудачи, хотя в последнее время они преследуют его непрерывно, он принимает как должное и ослепительное сияние жемчужных зубов Фортуны, которая наконец-то широко ему улыбнулась; и не теряет присутствия духа, когда улыбка Фортуны оказывается звериным оскалом неожиданного проигрыша. Он продолжает свой неспешный диалог с окружающим миром.

Кстати, вы заметили, что Старик не может вспомнить, когда именно приобрел привычку говорить с самим собой: то ли когда его покинул мальчик, ученик, то ли раньше, сразу после смерти жены... Да, он, как и его гигантская рыба (по моей версии), тоже потерял спутницу жизни, но продолжал жить, смирившись с утратой... Вот почему он особенно охотно общается со своим другом-врагом, самцом рыбы-меч. У них много общего... Мне скажут, что вот это лишь ещё красноречивее подчёркивает его тотальное одиночество! И я не стану спорить! Но и это тотальное одиночество его нисколько не тяготит. И хоть он часто задумывается о том, многое ли один человек – совсем один – многое ли он может? И приходит к единственному правильному ответу: немного... Но ведь он не один...

Не один? Да как же так? Он и живёт в одиночестве, которое изредка скрашивается приходом его бывшего ученика. И когда рыба потащила его лодку в открытое море, он был совершенно один... Но ведь он сам, а через него автор, упорно убеждал, что человеку нельзя быть одному, что это неправильно! Так быть не должно! Тот, кто один, тот уже проиграл, тот уже заранее обречен, тот почти что погиб... Может, именно поэтому в Советском Союзе так пропагандировали именно эту вещь Эрнеста Хемингуэя? Мол, вот, он был один – и проиграл, а вот будь он в коллективе...то... То что? То он бы скорее сам скормил себя акулам, лишь бы мясо рыбы было вовремя доставлено в порт, откуда прямым в спецпайки и только исключительно членам Политбюро (деликатес, как-никак, это вам не килька в томате). Шучу, конечно... В Советском Союзе действительно книги Хема имели особый, просто колоссальный успех. И не только «Старик и море», но и «Острова в океане»... А также усиленно рекомендовали «По ком звонит колокол?» и «Прощай, оружие!» (в перерывах между вводами войск в соседние государства, с целью оказания интернациональной помощи угнетённым классам). Да просто Министерство образования СССР, как и члены премиальной комиссии, наградившие папашу Хэма (но совсем не за то, о чём он писал) ни черта в литературе не смыслили... Я позже объясню почему. Но пока для начала вспомним: трое суток борьбы, руки в кровь, силы на исходе, кто кого изматывает, возьмёт измором... Да... Старик, конечно, – один. Но и Рыба – одна! Верно? А если «единица – ноль» и обязательно должен проиграть тот, кто один, то почему Старик не проиграл раньше? Он-то, в отличие от Рыбы, человек разумный... Что-что, а собственное одиночество, как и старость, а с ней и потерю былой мощи, он превосходно осознает... Да! Старый рыбак – один, хотя постоянно ведёт внутренний диалог то с мальчиком-учеником, то с рыбой, то с левой рукой, которая в любой момент может его подвести, то с морем, то с самим собой, то со всеми людьми сразу... Ему невероятно тяжело, но старик, несмотря ни на что, не сдаётся, и умудряется вонзить ей гарпун в брюхо, привязать это огромное тело к борту и по ветру определить путь домой. Победа? Почти! Ведь именно тут, почуяв сильный запах крови, появляются акулы... и съедают его добычу, его улов, растаскивают по кусочкам всю его победу! Он одолел более сильного противника сам, в одиночку! Ибо каждый из нас, если приложит максимум усилий, способен превзойти самого себя. Человек, даже когда один (а, может, именно потому что один), подобен Его Сотворившему и поэтому всемогущ! Он – царь зверей и венец творения! Но насколько человек всемогущ, настолько же он и беспомощен! Человек и мудр, и глуп, и велик, и ничтожен! И это не философия! Это жизнь! Самая что ни есть натуральная жизнь, во всём её паскудстве! Вспомните историю, дорогие мои! Или взгляните на жизнь! На свою,

на жизнь Ваших близких и друзей, соотечественников... И вы обязательно увидите и поймёте: воюют одни, а награду почти всегда получают другие!

Уже обессиленный противостоянием с гигантской рыбой-меч, Старик всё равно, даже понимая всю безнадежность положения, всё равно, как мог и сколько мог, защищал свой улов... Но много ли он мог, если стар, слаб, изранен, утомлён, безоружен и одинок! Вот мы и подбираемся к истине. Что может сделать один мощный старик, когда со всех сторон, почуяв кровь, к его добыче устремился целый и «сплочённый коллектив хищных товарищей» им же убитой большой Рыбы... А я объясню! Он возвращается назад одновременно и победителем, и проигравшим. Да, это победа, и неважно, что не осталось ни куска мяса. Он победил, хотя плодами победы ему не воспользоваться, а значит – он проиграл, и черед неудачных дней продолжает свой счёт... Хотя для Хемингуэя он победил, потому что выстоял. Он не сдался, он один сделал то, что другим не под силу совершить в паре или втроём... И он вновь доказал, что он всё ещё самый лучший. Мальчишка верил в него не напрасно... А ведь сколько раз мальчику советовали не связываться с ним, ведь тот уже слишком стар, ему вечно не везёт, он уже не так хорош, как когда-то, и сети рваные, паруса в заплатках, лодка древняя... Но мальчик выбрал именно его в учителя! Почему? А потому что они одной породы! Из породы крупных хищников... И настроены они на крупную добычу... На крупные победы... Жаль только, что, скорее всего, это последняя победа Старика. Вспомните, в конце рассказа – его сон про льва. Скорее всего, сон – это смерть старика. Но его дело будет жить в мальчишке, которого он воспитал настоящим мужчиной... Родители мальчишка не разрешали приходить к Старика, только тот всё равно приходил, приносил ему кофе, кормил... Неудачи Старика его огорчали, но не отпугивали. Он видел, что Старик стойко переносит все тяготы и испытания и знает себе цену. У Старика за спиной была тяжёлая жизнь, она была переполнена опасностями, потерями, испытаниями... А он их словно бы не замечал. Это ведь Хему принадлежат самые правильные слова о настоящих мужчинах, которых с каждым годом всё меньше и меньше: «Когда люди столько мужества приносят в этот мир, мир должен убить их, чтобы сломить, и поэтому он их и убивает. Мир ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе. Но тех, кто не хочет ломаться, того он убивает. Он убивает и самых добрых, и самых нежных, и самых храбрых без разбора. А если ты ни то, ни другое, ни третье, можешь быть уверен, что и тебя убьют, только без особой спешки». Это Эрнест Хемингуэй. Рекомендую даже прочесть вслух этот отрывок, вслушиваясь и вдумываясь в каждое слово. Если мысленно окинуть цепким взором всю жизнь Хемингуэя, то вы сразу поймете главного героя повести «Старик и море». Раньше я думал, Старик – это стремление к победе, к цели, несмотря ни на что, «до дней последних донца»... Думал я примерно так: море – это жизнь; акулы – препятствия, которые нас поджидают на пути к победе... Но теперь я понимаю, что ошибался! А ведь прошло всего двадцать лет! А я теперь убеждён на все сто, что повесть «Старик и море» – не что иное, как духовное завещание Хема, его предсмертное письмо в виде исповедальной притчи. Жизнь подходила к концу, пора было подводить итоги.

Возьмём для сравнения какой-нибудь его зрелый роман. Полноценный. Ну вот хотя бы... Вот! Его роман «Иметь или не иметь»! «Иметь или не иметь» и «Старик и море» чем-то похожи. Только в «Иметь или не иметь» герой – Генри Морган – никогда не проигрывал, но и ничего от победы не получал, разве только очередную порцию неприятностей. Но, в конце концов, в итоге Генри Морган умудряется остановить бандитов и сохранить деньги, правда, ценой своей жизни. В обоих произведениях вывод один: мы сильные и лучшие, мы победители, даже тогда, когда кажется, что мы повержены. Таким же хотел всегда быть, а порой и был, а иногда лишь казался таковым и сам Эрнест Хемингуэй.

Хемингуэй, как и его герои, никогда поверженным не был! Он же написал самые главные слова повести, явно выражая свою позицию: «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражения... Человека можно уничтожить, но его нельзя победить!» Это позиция льва – царя зверей. Хемингуэй – это лев американской литературы. Я не шучу нисколько! Хемингуэй – это лев. Он всегда хотел быть первым, чем бы ни занимался. Журналистикой? Пожалуйста! Стану репортёром полицейской хроники. Буду выезжать на место

преступления вместе с полицией, а то и до неё. Буду проводить собственное независимое расследование! Что ещё? Нужны репортажи из самой глубины воюющей страны? Ок! Готовьте первую полосу, господа! Я отправлюсь в самую гущу событий и достану самый горячий материал. Воевать – значит, я буду героем или погибну. А что если стать великим писателем? Нет, не просто писателем – это любой дурак сможет! Нет, не популярным, а именно великим! В общем так: писать – так лучше всех; что ни роман – шедевр! Уж таким он был! Уж таким уродился!

Лев, он и в Африке – лев! А кто главные противники льва? Подлые, ничтожные гиены. У льва же всего две миссии: расширять и охранять территорию, оплодотворяя самок, которых должно быть как можно больше, и продолжать свой род. Всё! У настоящих львов ведь как? Охотой занимаются самки, но часто бывает так, что львицы – поймали добычу, папы ещё нет, а тут вдруг – откуда ни возьмись – чертовы гиены, штук двадцать. Они подлые, хитрые и достаточно сильные. Единственный, кого они боятся, – это лев. Если папа, он же царь, он же лев, вовремя не подоспел, гиены легко могут отвоевать добычу у львиц. Если царь подоспел, то, порой, одного его рыка достаточно, чтобы гиены кинулись врассыпную. И, тем не менее, запомните: старея, лев теряет силу. А теряя силу, теряет всё: самок, территорию, влияние... Хем любил охоту, изучал повадки зверей. Возможно, он знал то, что я лишь совсем недавно понял, а именно: на львиную долю всегда претендуют гиены.

Да, Хем всегда хотел быть львом... Вероятно, лев был его тотемным животным...

Отсюда и его неудержимое кошачье увлечение женским полом. Будь его воля, и не столь горячо защищающие нравственность и нормы приличия законы Америки, – то наверняка завел бы себе гарем... То есть, прайд... Впрочем, он и так: расставался с одной, почти тут же женился на другой и при этом был увлечен третьей. Официально он был женат четыре раза. Наверное, Хем не мог писать без женщин, он писал и посвящал им свои романы. Так что женщины его вдохновляли! Но я, хоть и уважаю творчество Хемингуэя, идеализировать его не стану. Вряд ли женщины, попадающие к нему в постель, проникали ему в душу. Не зря он когда-то написал: «Я знал многих женщин, но всегда оставался одиноким, бывая с ними, а это – худшее одиночество!»

И вот мы стремительно приближаемся к финалу. А из глубины моря повествования вновь всплывает тема одиночества, что, само собой, не случайно! Вы, наверное, догадались, к чему я клоню? Мне кажется вполне реально, если не доказать, то хотя бы предположить, что «Старик и море», как ни крути, Хемингуэй написал о себе! А что? Всё сходится! Уж чересчур активно он отвергал в этой лучшей своей повести наличие некой притчи!

Попробуем пофантазировать, не более. Итак! Старик – Хем, открытое море – литература, Большая Рыба – его роман, а чёртовы акулы – литературные критики и журналисты, раскритиковавшие его лучшую книгу в пух и прах... Особенно, если вспомнить, как он упорно доказывал, что море имеет не средний род, и ни в коем случае не мужской... Море – женщина! Литература! И когда он понял, что кризис затянулся, он ушёл далеко-далеко в море, а ведь раньше, как все, рыбачил спокойно у берега, поближе к людям... А тут отплыл далеко, а рыба потащила его ещё дальше....

Вот вам отрывок из повести. Прочтите, заменяя слово «море» словами «проза» или «литература», а слово «рыбаки» – словом «писатели». Сразу же истина откроет вам свои жаркие объятия! И вам останется только либо пойти этим объятиям навстречу, либо увернуться от них, так как вы предпочитаете всё подвергать сомнению. Я приму любой ваш выбор! Я ведь и сам пока в процессе работы. И не могу знать заранее, чем увенчается моё расследование. Но фрагмент о море предоставлю непременно: «Мысленно он всегда звал море *la mar*, как зовут его по-испански люди, которые его любят. Порою те, кто его любит, говорят о нём дурно, но всегда как о женщине, в женском роде. Рыбаки помоложе, из тех, кто пользуется буйами вместо поплавков для своих снастей и ходят на моторных лодках, купленных в те дни, когда акуля печёнка была в большой цене, называют море *el mar*, то есть в мужском роде. Они говорят о нем как о пространстве, как о сопернике, а порою даже как о враге. Старик же постоянно думал о море как о женщине, которая дарит великие милости или отказывает в них, а если и позволяет себе необдуманные или недобрые

поступки, – что поделаешь, такова уж её природа. «Луна волнует море, как женщину», – думал старик». Ну разве вы не слышите, о чем на самом деле идет речь?

Однако же, стоп! Не всё так идеально укладывается в стройный ряд моей безумной теории. А мальчик? Мальчик тогда кто? Кто он, тот, кто смотрел на него с восхищением, кому он передавал свой опыт... Что-то никого конкретно я не помню из его биографии?

Тут у меня всего два предположения...

Первое: «да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было...». Не зря же сам Сантьяго, думая о нём, только лишь раз назвал его по имени. «Писатель, если он хорошо трудится, невольно воспитывает многих своих читателей», – эти слова принадлежат Хемингуэю. А конкретного ученика у него никогда не было. Только в его воображении. Я же говорю: абсолютное одиночество... Выдумал он себе ученика. Нафантазировал...

Второе: этот мальчик из далёкого прошлого самого Хема... Это он сам, верный мечте, прислушивающийся к своим предчувствиям, верящий слепо, без каких-либо доказательств, без гарантий и без колебаний в то, что пройдет весь путь, пройденный стариком, станет великим мастером, легендой... И никто его не остановит. Никто не отговорит и не собьёт с пути, даже родная мать.

Мать совершенно иначе хотела распорядиться его судьбой. Но он не желал, как его отец, находится у неё под каблуком. Та всю жизнь помыкала отцом, винила мужа в том, что из-за него она пожертвовала карьерой. Словом, трепала ему нервы и полжизни только тем и занималась, что с истинным аристократизмом элегантно выедала ему мозг маленькой серебряной ложечкой. Его мать стала не последней причиной глобального разочарования отца в жизни. А может и самой главной причиной его нервного срыва, приведшего и к самоубийству. Эрнест любил отца. А вот мать он ненавидел. Она сама виновата. Как и отца, мать частенько критиковала Эрнеста, а тот не терпел никакой критики. Он старался с ней не пересекаться. Поэтому в семнадцать лет он покидает дом, путешествует по миру, затем отправляется на войну, а вернувшись из госпиталя после тяжелого ранения, против согласия матери, практически назло ей, женится... Хотя не исключаю, что таким образом он лишь скрывал свою латентную любовь к ней, через чересчур явную и ярко выраженную агрессию. И такое бывает. Но она умела доставать его и на расстоянии. К примеру, после смерти отца, мать прислала сыну ружье, из которого отец застрелился, сопроводив свой подарок глупой запиской: «Чтобы ты помнил, как жить нельзя!»? Он не жалел оскорблений в её адрес. Но как только мама умерла – у Хема началась депрессия. Это лишь подтверждает мою теорию латентной любви. Раньше ему было кому доказывать, что он лучше, чем о нём думают, доказывать, что он никогда не станет таким, как отец. Но теперь уже некого в чём-то убеждать: мать умерла, а миру он уже всё доказал. И вот он уже замечает признаки старости, усталости, тоски... Предпоследняя книга старика вызвала море негатива у критиков, мол, сдулся Хем, повторяется! Всё, как он предсказал. Его одолевают приступы паранойи и депрессии. Он страдает манией преследования, и не без оснований. По этому поводу есть шутка: «Может у меня и паранойя, но это не значит, что за мной не следят». ФБР действительно следила за писателем: это был период холодной войны, а он – личность крупного калибра, к тому же коммунист, живёт на Кубе, дружит с Фиделем Кастро. Им важно, о чём будет следующая книга, с кем встретится, что скажет. Хемингуэй подозревал всех, даже свою жену, в сотрудничестве с ФБР. Он понимал, что болен, его уговорили пройти курс лечения. Накануне отъезда в Америку Хемингуэй, прощаясь со своим садовником, многие годы проработавшим у него на вилле, сказал: «Хосе, я много раз прощался с тобой, уезжал, но потом возвращался. Вернусь ли я на этот раз? Не знаю. Я чувствую, что болен, и не думаю, что это долго продлится. Врачи на Кубе не знают, что со мной. Животные и люди не должны умирать долго и причинять страдания другим, и их самих нельзя обрекать на страдания».

Лечение не помогло. Болезнь набирала обороты, а после принудительного лечения, страшного лечения, так называемой, электросудорожной терапии (его били током) он потерял возможность сосредотачиваться на работе. Он более не может писать... Это практически смертный приговор. Жить более незачем. Лев, не способный добывать себе

пищу, уходит из прайда, затем его охватывает апатия, и вскоре он умирает. Но это в животном мире, а в человеческом тебе так просто уйти не дают. А зачем его мучить жизнью? Ведь он, альфа-самец, всю жизнь стремился к совершенству.

Вы только представьте себе человека, который постоянно, без устали, всю свою жизнь создавал образ сильного мужчины-победителя, который для него важнее всего! Вот такой он человек. Это надо понимать! Хем никогда не допустит проигрыша. Это его главная жизненная установка. А тут ему за шестьдесят... Силы не те... Роман «За рекой, в тени деревьев» раскритикован. Сжав зубы, он пишет «Острова в океане» и «Праздник, который всегда с тобой». **НО ЭТО ВСЁ ДАЕТСЯ ОГРОМНЫМ УСИЛИЕМ ВОЛИ.** Пишет он с трудом, очень медленно, буквально по строчке в день. Эти последние романы казались ему на редкость слабыми, хотя это прекрасные произведения. Они опубликованы уже после его смерти, кажется, вдовой. Он более не мужчина. Не воин. А теперь и не писатель уже. Это было началом конца. Думаю, Хем хотел вовремя уйти со сцены – он же герой: воевал, боксировал, рыб громадных ловил... **ЕГО ЗНАЮТ ВО ВСЁМ МИРЕ, ОН УЖЕ ВОШЁЛ В ИСТОРИЮ,** он лауреат нобелевской премии, у него есть всё: есть слава, есть деньги, куча детей, бездна почитателей – он добыл это сам! И...теперь всё... Все и возможные и невозможные, словом, всевозможные цели достигнуты, жизненная система завершена, задача выполнена. Зачем дальше жить? Надо уметь уходить вовремя. Он же написал в повести «Старик и море»: «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражение. Человека можно уничтожить, но его нельзя победить» – это и было главным в философии жизни Хемингуэя.

О том, что после его самоубийства люди и пресса будут распускать порочащие его имя сплетни он, конечно, не думал. Он просто хотел уйти достойно и быстро.

Так было нужно! И я его понимаю. Со сцены жизни и из профессии надо уходить вовремя. Смотрите, полмира обожало Жерара Депардьё, а теперь мы видим рыхлую тушу, которая всё время пьёт и позорит некогда сильный образ. Хем такого не допустил бы. Он говорил: «Работа – лучшее лекарство от всех бед». Но работа не шла... А других лекарств Хемингуэй не признавал.

И напоследок ещё раз, для закрепления, вместо эпилога, или в качестве вишенки на торте, превосходная цитата из повести «Старик и море»:

«А как легко становится, когда ты побеждён! – подумал он. – Я и не знал, что это так легко... Кто же тебя победил, старик? – спросил он себя...

– Никто, – ответил он. – Просто я слишком далеко ушёл в море».

И покорило это море! Стал его...Ох, простите! Для него оно женского рода! Тогда так! Стал её властелином! Ведь он царь морей и океанов, превзошедший кумира своей юности – Морского волка Джека Лондона – он – Эрнест Хемингуэй – **МОРСКОЙ ЛЕВ ЛИТЕРАТУРЫ!**

Ноябрь 2015 – 13 марта 2016 г.

Киев